

Евразийская семья против европейских ценностей

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОРНИ «АНТИ-ГЕНДЕРИЗМА» В АРМЕНИИ

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 488

Октябрь 2017 г.

Нона Шахназарян¹

Институт археологии и этнографии, Национальная академия наук Республики Армения

С конца 2012 года термины «гендер» и «гендерное равенство» в армянском дискурсивном пространстве стали подаваться с откровенно негативным подтекстом, вплоть до того, что стали использоваться в качестве оскорблений. Заметный откат в этой области имеет широкие транснациональные измерения. «Анти-гендеризм» (как мы могли бы назвать это движение) во всем регионе и в Армении в частности связан, в основном, но не исключительно, с воздействием российской мягкой силы. Когда в 2013 году Армения вступила в состав государств возглавляемого Россией Таможенного союза, гендерные вопросы стали еще одним спорным узлом в идеологической конфронтации Европа-Евразия, Запад-Восток.

Консервативные силы в Армении, которые уже и прежде имели склонность к возвеличиванию традиционных гендерных ролей и идентичностей, стали твердить, что гендерные дискуссии являются результатом повестки дня носителей западных ценностей и посему соотносятся с моральным и демографическим упадком. Эскалация дискурсов и резко негативное отношение к гендерным вопросам были подкреплены геополитическими стратегиями и инструментами Кремля, целью которых является отведение постсоветских государств от западных политических и социальных стандартов обратно к «российскому» мировоззрению. Эта тактика отталкивания/отваживания и её результаты имеют последствия для будущих политических событий в Армении и в регионе в целом.

¹[Nona Shahnazarian](#): Нона Шахназарян является старшим научным сотрудником Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения.

Гендерная истерия: битва слов и миров(оззрений)

Сразу после своей независимости Армения подписала международные соглашения, которые одобрили гендерное равенство, например, такие как Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) в 1993 году. Однако, несмотря на высокий уровень законодательной либерализации в Армении, законы часто сталкиваются с сопротивлением и функционируют слабо. Поворотным моментом стал 2013 год, когда филиалы организации «Родительский комитет» начали работу по продвижению идеалов так называемой евразийской семьи в пяти странах (Россия, Украина, Молдова, Грузия, Армения). Панармянский родительский комитет, наряду с рядом других организаций, спешно взялся за организацию различных действий против НПО, а также против государственных законов, прописывающих соблюдение и защиту прав человека. Наиболее видные армянские активисты подверглись шантажу, были оклеветаны и публично (используя социальные сети) занесены в черный список. Собственно, под давлением подобного рода консервативных сил 20 мая 2013 года правительство Армении внесло и утвердило поправки к закону «Об обеспечении равных прав для мужчин и женщин», одним из главных достижений коих стало исключение термина «гендер» из всех официальных документов.

С 2013 года армянское сообщество ЛГБТ и правозащитные организации зафиксировали многочисленные нападения как на сексуальные меньшинства, так и на индивидов, занимающихся их адвокацией. В столь агрессивном социальном контексте даже Армянская Апостольская Церковь стала выглядеть умеренной в отношении ЛГБТ проблем. Юлия Антонян, антрополог, специалист по исследованиям религии, пояснила, что Армянская церковь предпочла оставить гендерные проблемы в светской сфере, что, однако, привело к тому, что вся эта сфера была «приватизирована» рядом субъектов, в том числе ультранационалистов и российских проводников мягкой власти. Бывший директор НПО «Общество без насилия» Анна Никогосян объясняет новые витки гендерной истерии в стране как политический инструмент российской политики склонения широкой общественности к поддержке вступления в Таможенный союз / Евразийский экономический союз в противовес подписания Торгового соглашения об ассоциации с ЕС.

Исходящие от России посылы о разного рода моральных паниках, страхах и демографическом упадке в Армении шли рука об руку с вбрасыванием в социальное обращение ряда неопатриотических тем, таких как призыв в армию и пронаталистская политика. Дошло до того, что была сделана явная параллель между ЛГБТ и памятью о геноциде армян. В этой связи сообщества ЛГБТ назывались «турками», с целью навесить на них дихотомичные по своей сути ярлыки врагов. В 2013 году на одной из центральных улиц Еревана появилась афиша с лозунгом: «Гендерное извращение есть геноцид». Представители Панармянского родительского комитета продолжали гнуть свою линию

относительно того, что законодательство о гендерном равенстве угрожает выживанию нации, тем самым манипулируя наиболее мощным и всепронизывающим мета-нарративом, исходящим из глубинных регистров общественной памяти Армении. Кампании в социальных сетях снова и снова воспроизводили эти негативные утверждения. В том же ряду онлайн-петиция на сайте change.org, в которой были отражены следующие комментарии: «Слово «гендер» подрывает традиционные моральные ценности. Гомосексуализм станет широко распространенным, и таким образом родится меньше детей, что приведет к снижению нашего и без того слабого демографического роста, и, учитывая военные проблемы, с которыми сталкивается наше государство, это может угрожать нашей национальной безопасности». По словам блогера Тиграна Кочаряна, который играл ведущую роль в волне протестов против равенства, «вскоре мы примем закон против дискриминации и закон о ювенальной юстиции, и эти три закона, взятые вместе, очень опасны <...>. Мы движемся к <...> Европе, но в то же время нам необходимо позаботиться о сохранении нашей национальной идентичности». (Третий закон, на который ссылается Кочарян, - это закон о предупреждении домашнего насилия).

Нарративы подобного рода возникли параллельно с внутренними российскими и международными посылами Кремля, которые, между прочим, обыгрывали слова гей и Европа, соединяя их вместе - «Гейропа» (Европа, таким образом, преподносится как источник и распространитель гей-культуры), тем самым создавая новые траектории сговора с влиятельными региональными и западными консервативными организациями. Целью России была (и есть) дискредитация Запада как цивилизационной модели, к которой не должны стремиться постсоветские граждане, а якобы взамен им следует сохранять статус-кво с его извечным акцентом на культуре мачизма, при котором гендерные роли, соответственно, остаются фиксированными. Валери Сперлинг в своей книге «Секс, политика и Путин: политическая легитимность в России» (Oxford University Press, 2014, стр. 2) объясняет, «... в России политические акторы включили гендерные нормы в «набор инструментов и рычагов» по укреплению своей политической власти в связи с доступностью и широчайшим резонансом этих аспектов культурной идентичности как на уровне элиты, так и на уровне масс». Поскольку мачизм и гегемонная маскулинность являются самой сутью патриархата, они, по сути, и предоставляют соответствующие способы для обоснования *понятия* о том, что быть могущественным, сильным мужчиной естественным образом сопряжено с политическим лидерством, тем самым подспудно и явно подтверждая политический статус-кво авторитаризма.

Собственно говоря, анти-гендерное движение, по своей сути представляет собой довольно упрощенный подход, который позволил правящим элитам говорить на языке консервативного большинства: мачо-мужик против гомосексуалиста и Евразия против Европы, соответственно.

Постсоветская Армения имеет длинный список уступок запросам и требованиям России. Одним из таких примеров является случай, когда во время российско-украинского кризиса в 2014 году российский посол в Армении Иван Волюнтин заявил, что Армения должна «нейтрализовать НПО, которые стремятся вбить клин между Россией и Арменией». Два года раньше, 21 ноября 2012 года, Россия приняла свой драконовский «закон об НПО», предписывающий многим НПО (по факту, наиболее эффективным из них) официально зарегистрировать себя в статусе «иностранный агент». Армянский НПО-сектор выдержал выпад, твердо возразив, что в стране нет организаций, которые пытаются помешать развитию армяно-российских отношений, таким образом ясно давая понять, что на сей раз не позволит внешним силам повлиять на свою суверенность, в частности, посредством хорошо финансируемого Всероссийским родительским комитетом своего же местного филиала. И без тщательного изучения очевидно, что проводники российской мягкой силы вкупе с армянскими консервативными силами сосредоточены на распространении моральных паник касательно прав женщин и геев, чтобы таким способом сорвать выполнение требований по соблюдению прав человека, исходящих из ЕС.

Надо сказать, что анти-гендерные нарративы имеют свои аутентичные исконные основы в южнокавказских обществах. Согласно Альтернативному/Теневому отчету неправительственных организаций от 2016 для Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ/CEDAW), «глубоко укоренившиеся убеждения в отношении традиционных семейных ценностей приводят к гендерным стереотипам и питают представление о том, что мужчины должны доминировать, а женщины - покорно подчиняться им». Оправдание неравенства часто основано на культурных и социальных нормах, которые предписывают мужчинам быть агрессивными, физически сильными, бесстрастными и контролирующими, а женщина, в свою очередь, - пассивными, заботливыми, покорными, эмоциональными, слабыми и зависимыми от мужчин. Несомненно то, что российские политиканы, смогли сыграть на этих культурных стереотипах, причем им удалось задействовать довольно минимальные затраты и усилия.

Культурные войны или просто бизнес, как обычно?

В большинстве стран существуют «анти-гендерные» движения, вброшенные в современную социальную реальность как механизм борьбы с гендерным равенством и правами ЛГБТ, хотя, похоже, они особенно сильны в постсоветских государствах. В список исключений не входят и страны-члены ЕС, которые испытывают глубинные внутренние расхождения по этим вопросам (яркий пример представляет, среди прочих, Польша). Заметное оживление в этой сфере в последние годы наблюдается в России в связи с тем, по-видимому, что российское руководство утратило чувство безопасности, кардинально пересмотрев свои пиар стратегии и изменив содержание посылов своих пиар кампаний, включающих

среди прочего лозунги о необходимости поддерживать так называемые традиционные ценности.

В мае 2013 года в Армении был принят новый закон, который способствует равенству между мужчинами и женщинами. Как видим, он недвусмысленно не упоминает термин «гендер», тем самым не упоминая и не оговаривая какого бы то ни было статуса для представителей ЛГБТ сообщества. Невзирая на это, Армения пытается привести свои законы в соответствие с такими институциями, как Совет Европы и Европейский союз. Это делается с целью, во-первых, соблюсти условия конвенций, которые она уже подписала, и, во-вторых, чтобы торговаться с Западом на предмет дальнейших уступок. Майский закон 2013 года является частью более широкой серии правительственных мер, причем последние имели искренние намерения установить надежный заслон всем видам дискриминации. Однако, в связи с тем, что тема борьбы с дискриминацией подстрекается агентами «анти-гендеризма», на первый план вышли широко распространенные консервативные ценности.

Точно так же полемика о насилии в семье и связанное с этим движение по принятию соответствующих законов застопорились как в связи с решением Москвы о полу-декриминализации домашнего насилия в России, так и под давлением со стороны армянских консервативных групп. Резкой критике подверглись те, кто пытается дать ход решению гендерных проблем. Например, получивший образование на Западе юрист-активист Арам Вардеварян, обвиняемый в том, что он находится под влиянием «западных ценностей» (на языке оригинала обвинение звучало так: «*Kembridgi phoshin drela vranery*» - «*Они посыпали себя кембриджской пылью*»).

Филарет Берикян, заместитель министра труда и один из двух авторов проекта закона о насилии в семье, настаивал на том, что закон хорошо написан, а его критики просто недостаточно хорошо информированы. Антрополог Агаси Тадевосян не согласился с подобной оценкой и заявил, что законодательство показало отсутствие знаний о предмете, и что общественность недостаточно информирована об обсуждаемых проблемах. По крайней мере три армянские политические партии с явно консервативными программами выступили заодно с анти-гендерным движением: правящая Республиканская партия Армении (*Hayastani Hanrapetakan Kusaktsutyun*), Консервативная партия (*Hayastani Pahrapoghakan*) и Армянская революционная федерация-Дашнакцутюн (*Hay Heghraphokhakan Dashnaktsutyun*).

Заключение

Ситуация в Армении может служить примером для изучения того, как термин «гендер» стал полем битвы в борьбе по созданию новых геополитических разделений и оспариванию политического статус-кво в пользу российского влияния, движимые стремлением выиграть в обновленных геополитических

условиях, сохраняя при этом власть кремлевской элиты. Консервативные силы в Армении и России тактически эксплуатируют «моральные паники» (Коэн, 1972) и феномен, который укладывается в понятие «родительская власть», то есть мифологизированная сакрализация власти родителей как часть системы «традиционных ценностей». Анти-гендерная кампания начала разворачиваться, когда Армения присоединилась к Таможенному союзу. В короткие сроки термин «гендер» и связанные с ним проблемы ЛГБТ стали табу. Слово «гендер» было принципиально исключено из законодательства, вытеснено из публичного дискурса и стигматизировано как эквивалент гей-культуры, то есть в культурном контексте Армении, по сути дела, оно стало употребляться как пейоративная, нецензурная лексика.

Контр-стратегии в связи с описанными социальными явлениями остаются ограниченными. В Армении лишь горстка гражданских активистов предлагают позитивные дискурсы касательно гендерных вопросов. Представители НПО-сектора в значительной степени считают, что, если бы в разгар анти-гендерной кампании 2013 года государство предпочло бы проинформировать свое население по меньшей мере о значении понятия «гендер», тем самым выбирая независимое морально-этическое участие вместо политики избегания и улаживания потребностей Кремля, – враждебную реакцию в отношении правозащитников и членов ЛГБТ сообщества можно было бы заблокировать, а пагубный эффект антигендерной кампании на законодательную реформу можно было бы предотвратить.

Однако, возможности для прогрессивных достижений в области политики в Армении все же существуют: по разным причинам граждане с подозрением относятся как к России, так и к Западу. Для местных и региональных представителей гражданского общества это открывает перспективы для разработки образовательного и информационно-пропагандистского плана с целью изменить отношение к сексуальным меньшинствам, протолкнуть в мейнстрим этику ненасильственного поведения и продвигать базовые права человека для женщин, членов ЛГБТ и людей с ограниченными возможностями.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org